

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭО, 2011 г., № 5

© Т.Г. Емельяненко

ПАРАНДЖА В ТРАДИЦИОННОМ КОСТЮМЕ БУХАРСКИХ ЕВРЕЕВ

Ключевые слова: бухарские евреи, паранджа, традиционный костюм, еврейская одежда

В статье рассматривается происхождение и особенности бытования паранджи в традиционном женском костюме бухарских евреев. Автор сопоставляет материалы музейных коллекций и иллюстративных источников, которые дают представление о парандже, с данными этнографической литературы о функциях паранджи в костюме соседнего населения – равнинных таджиков и оседлых узбеков. В результате сравнительного анализа выявлена специфика использования паранджи в обрядовой и повседневной практике бухарских евреев и предпринята попытка объяснить ее, исходя из культурных традиций этой этноконфессиональной группы Средней Азии.

Традиционный костюм бухарских евреев никогда не являлся предметом специального изучения. Чрезвычайно мало сведений содержится о нем и в этнографических описаниях Средней Азии авторов XIX–начала XX в. Основная причина – его визуальное сходство с костюмом равнинных таджиков и оседлых узбеков городов центральных районов региона, среди которых проживали бухарские евреи. Упоминания касались лишь “отличительных знаков” в мужском костюме, введенных для иноверцев в мусульманском мире (*Емельяненко* 2010: 110–119), в остальном же исследователи не находили ни в женской, ни в мужской одежде (как и вообще в материальной культуре бухарских евреев) этнически специфичных черт и особенностей (*Хорошхин* 1876: 215; *Радлов* 1880: 36; *Дмитриев-Мамонов* 1903: 61). Между тем, сопоставление ее с одеждой соседей (узбеков и таджиков) – по характеру бытования или манере ношения, качеству и расцветке тканей и другим параметрам – заставляет усомниться в справедливости этого распространенного мнения. В данной статье мы рассмотрим паранджу, которая так же, как у городских мусульманок, являлась обязательным элементом уличного костюма бухарских евреек.

Источники, на материале которых сделано настоящее исследование, – это в основном фотографии конца XIX – начала XX в. и единичные экспонаты в музейных коллекциях. Они дают представление о бытовании паранджи только у евреев Бухары, Самарканды и Ташкента. Однако, учитывая единообразие традиционно-бытовой культуры бухарских евреев во всех центрах их проживания (включая костюмный комплекс), можно предполагать, что и внешний вид, и специфика использования паранджи являлись общими для всех их территориальных групп. У таджиков и узбеков функции и облик паранджи также не имели существенных местных особенностей, которые в основном выражались в расположении и мотивах узоров вышивки и отделочной тесьмы.

Татьяна Григорьевна Емельяненко – к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии Средней Азии и Кавказа Российского этнографического музея (Санкт-Петербург); e-mail: gem.tatyana@mail.ru.

Рис. 1. Группа взрослых и детей на улице в еврейском квартале. На заднем плане – две женщины в парандже без лицевой занавески. Бухара, 1927 г. Фото Ф.А. Фиельструпа. ФК РЭМ 4598 – 1.

подобных по назначению видов одежды женщин мусульманского Востока разного времени (Лобачева 1996: 79–83; Сухарева 1982: 47–48), и, безусловно, была заимствована бухарскими евреями из таджикско-узбекского костюма. Ни религия, ни традиции древнего еврейского костюма не требовали от евреек скрывания лица и фигуры от посторонних. В библейские времена (Быт. 24:65) прозрачным покрывалом прикрывали лицо лишь знатные еврейки (Вейс 2000: 225), что имело для них и практический (защита лица от солнца) и статусный смысл. На мусульманском Востоке существовали разные виды женской верхней одежды, предназначенной для выхода на улицу, закрывающей женщину с ног до головы в соответствии с нормами исламской этики, но они, тем не менее, не являлись обязательными для проживающих там евреек. Описывая костюм персидских евреек (н. XVII в.), Ф. Котов, например, отмечал, что “лица они не закрывают” (Хождение купца 1958: 91), а в Еврейской энциклопедии по этому поводу сообщается, что в Персии еврейкам специально запрещалось закрывать лицо покрывалом подобно персиянкам (ЕЭ: 460). Однако, несмотря на то, что в халифате особые ограничения или “отличительные знаки” для женского костюма иноверцев не предусматривались, они могли возникнуть локально и по мере развития исламской символики в бытовой культуре, в частности, в одежде. Так, у таджиков и узбеков в XIX в. особым символом являлась чалма и, соответственно, ее запрещалось носить представителям других конфессий, хотя в других мусульманских странах она могла отличаться у них лишь по цвету; в Персии это нашло отражение в женском костюме, в котором *чадра* (*чадор*) приобрела особое значение религиозного символа.

Вместе с тем, то, что в Средней Азии паранджу разрешалось носить женщинам иного вероисповедания, может служить одним из подтверждений предположения специалистов по среднеазиатскому костюму, что знаком принадлежности к исламу и обязательной деталью уличной одежды городских мусульманок она стала сравнительно поздно (Сухарева 1982: 49; Лобачева 1996: 90; Бикжанова 1979: 141). Местное мусульманское общество допускало различные варианты женского уличного наряда, особенно, если они были освящены традицией. Представительницы кочевых народов, например, приезжая в города, где религиозные устои были наиболее строги и консервативны, тем не менее, специально не закрывали лица или прикрывались привычными для них накидками, среднеазиатские цыганки, хотя и носили паранджу, но без лицевой занавески *чачван*, сплетенной из черного конского волоса. Вероятно, даже на последних этапах своего существования, включая период после присоединения Средней Азии к России, когда стало принято особенно подчеркивать связь паранджи с исламом

Поэтому в нашем исследовании данный вид одежды рассматривается в целом, без локальных вариантов, как в бухарско-еврейском, так и в таджикско-узбекском костюмах. Его первостепенной задачей является выяснение принципиальных различий в применении, семиотическом значении и внешних характеристиках паранджи у представителей разных по мировоззренческим и культурным традициям народов среднеазиатского региона.

История появления, распространения и бытования паранджи неоднократно рассматривались в этнографической литературе (Пугаченкова 1952; Лобачева 1996). Она представляла в Средней Азии самобытный вид одежды, принципиально отличаясь по форме и происхождению от

(Сухарева 1982: 49), местное население не воспринимало ее исключительно с точки зрения религиозной этики. Этим объясняется, вероятно, не только возможность, но и продолжительность бытования паранджи в еврейском костюме. После революции лишь в результате специальных административных мер, в том числе указа от 1 марта 1928 г., запрещающего ходить в парандже, бухарские еврейки, как и мусульманки, стали отказываться от ее ношения (Кеслер 1930: 73). На фотографии группы детей, сделанной известным этнографом Ф. Фиельструпом в 1927 г. на улице еврейского квартала Бухары (ФК РЭМ 4598–1), видно, что две попавшие в кадр женщины – в паранджах, хотя и с незакрытыми лицами. На другой фотографии, из бывшего Туземно-еврейского музея в Самарканде¹, относящейся также примерно к этому времени, женщина позирует в парандже и с откинутым с лица чачваном (АПИИ 1: 87²). Какое-то время паранджа сохранялась у них также в составе приданого, и в некоторых семьях до сих пор среди домашних реликвий можно встретить совершенно новые, ни разу не надеванные паранджи (ПМА 2).

Вместе с тем, нельзя прямо соотносить существование у бухарских евреек паранджи с народными традициями, верованиями и представлениями, которыми объясняется ее появление и формы бытования в таджикско-узбекском костюме, как, например, с женским затворничеством (Сухарева 1982: 48; Широкова 1993: 60–61). Затворничество женщин, разъединенность мужской и женской бытовой культуры, какими они выступают в организации соседних мусульманских обществ, не были свойственны бухарским евреям. И хотя в силу сохранявшихся патриархальных отношений у них существовала половозрастная дифференциация в социальной и семейной сферах, тем не менее, еврейки находясь в своих кварталах, не закрывали лица перед мужчинами, планировка еврейских домов не предполагала их разделения на женскую и мужскую половины, а раздельно мужчины и женщины сидели только за поминальным столом (ПМА 1; ПМА 2).

В этнографической литературе обычай закрывания женщины рассматривается также в связи с традициями института избегания, уходящего корнями в эпоху первобытно-общинных отношений, и с реликтами древних верований среднеазиатско-иранского мира – различного рода покрывала и накидки служили для женщины магической защитой, необходимой ей как продолжательнице рода (Лобачева 1996: 86–89). В узбекско-таджикской традиции это проявлялось прежде всего в свадебных ритуалах, сопровождающих и символизирующих ее переход в социальную категорию замужних женщин, во время которых невеста находилась в отдельном помещении либо была отделена от окружающих особым занавесом, закрыта покрывалами или платками (Кисляков 1959: 208). Средством магической защиты служила и паранджа: в ней была невеста во время обряда мусульманского бракосочетания *нихон*, в парандже ее отвозили затем в дом мужа (Сухарева 1982: 44; Лобачева 1996: 88). В Бухаре до сих пор девушку везут завернутой в паранджу (ПМА 4). Использование паранджи в конце XIX–начале XX в. в качестве свадебной обрядовой одежды в тех местностях, где она не являлась обязательной уличной одеждой (Широкова 1993: 65), говорит о длительном сохранении ее древних охранительно-магических функций в качестве приоритетных.

У бухарских евреев паранджа тоже входила в состав костюма невесты. Мы можем видеть на ней этот элемент одежды на самых ранних из известных фотографий бухарских евреев из Туркестанского альбома³, на которых запечатлены такие свадебные церемонии, как обряд заключения брачного договора – *клуббы* (бух.-евр. *кетубо*), собственно бракосочетание, совершаемое под *хуппой* (бух.-евр. *хупо*) – покрывалом, которое растягивали над женихом и невестой – и сопровождаемое специальными ритуалами, и переезд новобрачной в дом мужа (LC-DIG-ppmsca-09951 – 00254, 00255, 00257). Однако в традиционной свадебной обрядности бухарских евреев ритуальные изоляция и скрывание невесты не были отчетливо выражены⁴. Она, хотя и была в

Рис. 2. Семейство бухарских евреев.

Женщина в парандже, в руках у нее свернутая лицевая занавеска *чачван*. Самарканд (?), к. XIX – н. XX в. ФК РЭМ 5378 – 1.

ла – религиозным бракосочетанием, благодаря которому брак получал юридически законную силу, и переездом новобрачной в дом жениха, то есть фактическим изменением ее социально-семейного статуса.

Использование паранджи в традиционном обрядовом костюме ограничивалось у бухарских евреев свадебными обрядами, хотя в таджикско-узбекской обрядовой практике оно было значительно шире. Так, например, новобрачная у узбеков и таджиков надевала ее (в отдельных районах до 1930–1940-х годов) на обряды *рубинон* – “смотрение лица” – знакомство с ней родных мужа, проводившееся после свадебного торжества, и *талбон* – первое со времени бракосочетания посещение новобрачными родителей девушки после *чилля* – сорокадневной изоляции молодоженов от внешнего мира; кроме того, паранджу накидывали на носилки с умершей, паранджи надевали женщины *мурдашу*, которые занимались обмыванием покойных, после завершения своей работы (Бикжанова 1979: 141; Широкова 1993: 65), символически защищаясь таким образом от мира мертвых и отгораживаясь от живых после соприкосновения с трупом. У бухарских евреев тоже были мурдашу, но паранджу в похоронных ритуалах они не использовали.

Однако и сами эти обряды имели у евреев несколько иное содержание и значение. Так, если в таджикско-узбекской традиции обряд *рубинон* проводился на следующий день после свадьбы и заключался в открывании лица новобрачной, до этого скрытого под покрывалом или лицевой занавеской, что выражало символическое вхождение ее в новую семью, то у бухарских евреев такой обряд обычно называется *пойтах* или *келинбинон* – “смотреть новобрачную”, который заключается в том, что она своими руками каждому наливает и подносит рюмку вина. Т.е. через “благословение на вино” невеста демонстрирует свою причастность к новому дому. Обряд совершается утром в субботу – особый день в религиозной еврейской традиции (Амитин-Шапиро 1925: 145). Первое посещение своих родителей новобрачная делала спустя год или после рождения первого ребенка, став к этому времени уже практически полноценным членом новой семьи (Там же: 146), а не в период сакрального приобщения к ней. Таким образом, паранджа у бухарских евреев использовалась как элемент свадебного костюма лишь в тех обрядах, которые по своему месту и значению в свадебном комплексе совпадали с обрядами соседнего населения.

Нет сведений о бытовании паранджи в похоронно-поминальной обрядности бухарских евреев. Обычай накидывать ее на умершую женщину, вероятно, не нашел у

парандже, но не закрывала лицо белой тканью, как полагалось у таджиков и узбеков (Сухарева 1982: 44), находилась все время рядом с женихом и в окружении остальных участников свадебного ритуала, включая мужчин, тогда как мусульманский обряд *никох* допускает присутствие, кроме молодых и муллы, лишь одного-двух человек, а в Бухаре по-прежнему его проводят в доме кого-нибудь из родственников и почти тайно, чтобы не навлечь злые силы (ПМА 2; ПМА 3). Поэтому, как можно предполагать, в свадебном костюме бухарских евреек парандже не отводилась роль магической защиты невесты. Однако важно подчеркнуть, что и в еврейской, и в таджикско-узбекской традиции использование паранджи было связано с двумя важнейшими обрядами свадебного цикла

них применения из-за слишком выраженного религиозного подтекста, какой он имел, во всяком случае, в XIX в. – паранджа на похоронных носилках *тобут* означала, что хоронят не просто женщину, а мусульманку, и если *калтачу* (халат старинного покроя) покойной отдавали обмывальщицам мертвых, то паранджу забирал мулла (*Крупянская* 1925: 75; *Бикжанова* 1979: 141).

Причиной же отсутствия у еврейских *мурдашу* обычая облачаться в паранджу после обмывания покойного могло стать различное отношение к этой профессии и самой процедуре у евреев и у мусульман. В таджикско-узбекской культуре, в тех районах, где существовал институт обмывальщиков мертвых, эта профессия, в числе некоторых других, считалась презренной; узбеки и таджики связывали такое свое отношение к ней с мусульманскими этическими нормами, но оно восходит к более ранним представлениям и связано с отношением к мертвым в зороастризме (*Снесарев* 1969: 162–176). *Мурдашу* сторонились, не приглашали на общие застолья (*Пещерева* 1959: 349), во время обмывания никто, кроме тех, кто взял на себя общение с “оскверненным” смертью (обычно эту процедуру выполняли 3–4 обмывальщика), не должен был присутствовать в помещении, включая родственников (*Ершов* 1985: 50). Несмотря на то, что у бухарских евреев также существовали представления о греховности и нечистоте покойного, обмывальщик выступал в роли специалиста, способного помочь “очищению” как тела, так и души, и с религиозной точки зрения выполнял богоугодную работу, *мицва*, которая одновременно очищала и его самого. При обмывании ему помогали ближайшие родственники умершего (отца должен был обмыть сын, мать – дочь, и наоборот), для которых это являлось почетной обязанностью; при необходимости его звали читать над покойным псалмы (*тишим*) как человека религиозно грамотного и достойного. После своей работы обмывальщик или обмывальщица должны были посетить баню, но их изоляции, реальной или символической, статус еврейских *мурдашу* не предусматривал (ПМА 1).

Вместе с тем, паранджа в комплекте с волосной сеткой для лица *чачван* прочно утвердилась у бухарских евреек в costume, в котором они появлялись среди мусульман. В таджикско-узбекском costume превращение паранджи (и аналогичных ей одеяний) в уличную одежду исследователи связывают с институтом избегания: обычай закрывания лица и фигуры вступившей в брак женщины ритуальным халатом от мужской родни мужа сменился обычаем постоянного использования накидки при выходе на улицу (*Лобачева* 1996: 89). Однако, если таджички и узбечки скрывались под паранджой и за сеткой чачвана от взглядов посторонних мужчин независимо от их этнической и профессиональной принадлежности, то бухарские еврейки, не закрывающие лица ни перед своими мужчинами (ФК РЭМ 5378 – 1), ни перед европейцами (например, фотографами), закрывались таким образом от мужчин-мусульман и, возможно, от мусульманского населения вообще, с чем и связано ее устойчивое бытование у них. Часто считалось, что даже в парандже еврейкам неприлично появляться на базаре, в то время как у узбеков и таджиков базарные дни были одним из главных событий в их повседневной жизни. И все покупки для дома у евреев совершали мужчины (ПМА 1).

Паранджа являлась у евреек не только частью “внешнего”, предназначенного для мусульманского окружения уличного costume, но и одним из парадных видов одежды, тогда как у узбечек и таджичек паранджа становится нарядным элементом выходного costume лишь на рубеже XIX–XX вв. (*Широкова* 1993: 65). С конца XIX в. наиболее состоятельные горожанки начинают шить их из местных кустарных шелковых тканей и из парчи и узорного шелка, поступавших из России и Кашгара, а в 1900-х годах – из фабричного бархата разных цветов (*Бикжанова* 1979: 142; *Сухарева* 1982: 45). До этого времени паранджи имели более скромный вид. Существовало даже мнение, что в Бухаре женщинам специально запрещали носить паранджи из тканей ярких цветов (*Никольский* 1903: 31), хотя, скорее всего, они и не являлись здесь традиционными для данного вида одежды. Одной из наиболее популярных тканей для паранджи повсе-

Рис. 3. Женщина в парандже с откинутым назад чачваном. Самарканд, 1920-е гг. АПИИ 1.

местно являлись хлопчатобумажная *алоча* кустарного производства в узкую белую и темно-синюю полоску и полупелушковый *бекасаб* с таким же узором, называвшимся *парташа* (“крыло мухи”), из которых шили также стариковские халаты и старушечьи *калтачи* (Сухарева 1982: 45; Бикжанова 1979: 142). Вплоть до начала XX в. паранджи были без всяких украшений – кисточек, узорной тесьмы и вышивки (Бикжанова 1979: 142). В начале XX в. в Самарканде, Ташкенте и Фергане их начинают дополнять нарядной отделкой, но бухарские паранджи так и оставались довольно простыми и обшивались по краю и на ложных рукавах только очень узкой монохромной тесьмой *джияк* (ПМА 4).

В музейных собраниях узбекские и таджикские паранджи из дорогих и нарядных материй немногочисленны. В коллекциях же по бухарским евреям, напротив, мало паранджей из таких же тканей в узкую бело-синюю полоску, как у соседнего населения (АПИИ 2; РЭМ кол. 12095 – 8). Большая часть еврейских паранджей сшита из жаккардового шелка с однотонными или полихромными узорами, из парчи, гладкого бархата кустарного производства (РЭМ кол. 11833 – 13; 12095 – 8, 9; Bokhara 1968: f. 4.6), выработывавшегося в Бухаре, который обычно предназначался на парадные конские попоны и мужские халаты мусульманской знати. Были тка-

ни, которые шли только на еврейские паранджи, как, например, кустарный полупелуш в узкую синюю и зеленую полоску (Маишков 1928: 237; Турсунов 1974: 89). По краю еврейских паранджей могли нашивать серебряные подвески (ПМА 2), что у соседнего населения встречалось очень редко на самых богатых паранджах (Сухарева 1982: 46). На многих известных образцах паранджи бухарских евреек подкладка сделана из привозного узорного шелка или шелка кустарной работы, гладкого или с абровым рисунком, тогда как в узбекско-таджикских паранджах она – из хлопчатобумажной ткани и в редких случаях – из полупелушки.

Бухарские еврейки не только шире, но и раньше, чем соседние мусульманки, стали использовать на паранджи более разнообразные по качеству и расцветке ткани. Возможно, это всегда отличало у них этот вид одежды. Так, паранджа невесты, изображенной на фотографии 1871 г. из Туркестанского альбома, изготовлена из одного из самых дорогих видов кустарного полупелушки *бенарас* (*банорас*), который шел на халаты представителей высших слоев мусульманского духовенства и придворной знати. В Бухаре при дворе эмира среди высокопоставленных чинов были так называемые *мударрисои банораспуш*, т.е. “мударрисы, надевающие банорас” (халаты из этой ткани), которые участвовали в коронации (поднятии на войлоке) эмира, хотя и пребывали “обычно в таком преклонном возрасте, что старость и дряхлость являлись их главным признаком” (Андреев, Чехович 1972: 46–47).

В каждой местности мусульманки независимо от социального и имущественного положения носили одинаковые паранджи, делавшие их похожими друг на друга (Сухарева 1982: 44–45). Обезличивание представляло один из магических защитных механизмов, аналогичный по своим семантическим действиям “скрытию” женщи-

ны в свадебных обрядах и в послесвадебный период. У бухарских евреек, как видим, паранджа, напротив, позволяла подчеркнуть индивидуальность ее обладательницы – материальное благосостояние, вкус, возраст и пр., что было характерно для их костюма в целом.

Таким образом, особенности бытования и внешний вид паранджи говорят о самостоятельном развитии этого вида одежды в традиционном костюме бухарских евреек, отражающем специфику культурных традиций этой этноконфессиональной группы среднеазиатского региона.

Примечания

¹ О создании и деятельности музея см.: *Носоновский* 2005: 156–160.

² Ксерокопии материалов архива музея, сделанные в 1992 г., хранятся в архиве Петербургского института иудаики (ПИИ), на учетные документы которого дана ссылка в данной статье.

³ Фотографии бухарских евреев (39 шт.) помещены во II-й части альбома, озаглавленной как “Туркестанский Альбом по распоряжению Туркестанского Генерал-Губернатора Генерал-Адъютанта К.П. фон Кауфмана I-го. Часть этнографическая. Туземное население в русских владениях Средней Азии. Составил А.Л. Кун. 1871–1872 г”. Альбом был подготовлен к Всероссийской политехнической выставке 1872 г. в Москве (*Лерх* 1874: 99). Библиотека Конгресса США, где хранится один из шести экземпляров Туркестанского альбома, опубликовала его на своем сайте: http://www.loc.gov/r/print/coll/287_turkestan.html#top.

⁴ Обычай избегания проявлялся в семейной обрядности бухарских евреев только в том, что женщина после рождения первого ребенка возвращалась на 40 дней (*чили* – “сорокадневье”) в дом своих родителей, а также в том, что в первые 8 дней после замужества она не должна была разговаривать с мужской родней мужа и показываться ей на глаза (ПМА 2).

Литература

- Амитин-Шапиро* 1925 – *Амитин-Шапиро З.Л.* Женщина и свадебные обряды у туземных (“бухарских”) евреев Туркестана // Известия Туркестанского Отдела Русского Географического Общества. Т. XVII. 1925. С. 189–196.
- Андреев, Чехович* 1972 – *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Арк (кремль) Бухары в конце XIX–начале XX в. Душанбе, 1972.
- АПИИ 1 – Архив Петербургского института иудаики. Ф. 12. Оп. 3. Д. 14.
- АПИИ 2 – Архив Петербургского института иудаики. Ф. 11. Оп. 1. Д. 41.
- АРЭМ – Архив Российского этнографического музея (СПб).
- Бикжанова* 1979 – *Бикжанова М.А.* Одежда узбеков Ташкента XIX–XX вв. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 133–151.
- Вейс* 2000 – *Вейс Г.* История цивилизации. Т. I. М., 2000.
- Дмитриев-Мамонов* 1903 – *Дмитриев-Мамонов А.* Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Ташкентской и Среднеазиатской. СПб., 1903.
- Емельяненко* 2010 – *Емельяненко Т.Г.* “Отличительные знаки” в традиционном костюме бухарских евреев: этнокультурный аспект // Восток. 2010. № 6.
- Ершов* 1985 – *Ершов Н.Н.* Похороны и поминки у таджиков Исфары // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 48–54.
- ЕЭ – Еврейская энциклопедия. В 16 т. Т. XII. СПб. 1906–1913.
- Кеслер* 1930 – *Кеслер И.Д.* Подворное обследование Керминского еврейского квартала (махалля) // Вопросы биологии и патологии евреев. Сб. III, Вып. II. Л., 1930. С. 72–75.
- Кисляков* 1959 – *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX–начала XX века). М., Л., 1959.
- Крупянская* 1925 – Легенды, собранные В.Ю. Крупянской и Е.Т. Воеводской (Этнографическая поездка в Узбекистан, осень 1925 г. – Ташкент, Самарканд, Бухара) // АРЭМ Ф. 5. Оп. 4. Д. 234.
- Лерх* 1874 – *Лерх П.* О Туркестанском фотографическом альбоме // Известия Императорского русского географического общества. Т. X. № 2. СПб., 1874.
- Лобачева* 1996 – *Лобачева Н.П.* К истории паранджи // Этнографическое обозрение, 1996. № 6. С. 78–91.

- Машков* 1928 – *Машков Н.Ф.* Мелкая (кустарная) шелкоткацкая промышленность в Узбекистане // Среднеазиатский шелк. Ташкент, 1928. № 2–3.
- Никольский* 1903 – *Никольский М.Э.* Благородная Бухара. СПб., 1903.
- Носоновский* 2005 – *Носоновский М.* Первый Туземно-еврейский музей // История бухарских евреев. Новый и новейший период (1865–2000). В 2 т. Т. I. Нью-Йорк, 2005. С. 156–164.
- Пещерева* 1959 – *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М., Л., 1959 (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XIII).
- ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в Узбекистан (Ташкент, Самарканд, Бухара), дек. 1993–январь. 1994.
- ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора в Узбекистан (Ташкент, Самарканд, Бухара, Маргилан), ноябрь–декабрь. 2002.
- ПМА 3 – Полевые материалы экспедиции автора в Узбекистан (Бухара, Пайкент), август–сентябрь. 2007.
- ПМА 4 – Полевые материалы экспедиции автора в Узбекистан (Самарканд, Шахрисабз, Карши, Бухара, Фергана, Ташкент), апрель–май. 2010.
- Пугаченкова* 1952 – *Пугаченкова Г.А.* К истории “паранджи” // Советская этнография. 1952. № 3. С. 191–195.
- Радлов* 1880 – *Радлов В.В.* Средняя зеравшанская долина // Записки Императорского русского географического общества по отд. этнографии. 1880. Т. IV.
- РЭМ кол. – Коллекция экспонатов Российского этнографического музея (СПб).
- Снесарев* 1969 – *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Сухарева* 1982 – *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX–начало XX в.). М., 1982.
- Турсунов* 1974 – *Турсунов Н.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие ремесла Ходжента и его пригородов в конце XIX–начале XX в.). Душанбе, 1974.
- ФК РЭМ – Фотоколлекция Российского этнографического музея (СПб).
- Хождение купца 1958 – Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.
- Хорошихин* 1876 – *Хорошихин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
- Широкова* 1993 – *Широкова З.А.* Таджикский костюм XIX–XX в. Душанбе, 1993.
- Bokhara 1968 – Bokhara (cat. №. 39). The Israel Museum, Jerusalem, 1967–1968.
- LC-DIG-ppmsca – Фотоколлекция Библиотеки Конгресса США.

T. G. E m e l i a n e n k o. Paranja in the Traditional Dress of the Bukhara Jews

Keywords: Bukhara Jews, paranja, traditional clothin, Jewish dress

The article discusses the origins and cultural specificities of paranja in the traditional female dress of the Bukhara Jews. The author compares representative materials from museum collections and visual sources with the ethnographic data that shed light on paranja’s functioning in the dress of the neighboring peoples, namely the Tajik of the plains and the settled Uzbek. The analysis conducted, the author argues, allows us to disclose the particularities of using paranja in ritual and everyday practices of the Bukhara Jews and offer an explanation of this phenomenon from the standpoint of cultural traditions of this ethnic/religious group of Central Asia.